

ГЕОРГИЙ ШУМАРОВ

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Г. БОБКОВУ.

Запретная зона,
запретная зона,
от глаз залегла, окопалась бессонно.
Земля тебя, тайную, бережно прячет
от тропок рыбачьих,
от тропок ребячьих,
от всех разговоров, ненужных и зряшных,
и от гостей, удивительно зрячих.
Запретная зона,
живешь ты воистину
скорее таинственно,
а не воинственно.
И тучи, что над землею нависли,
хранителю мира, тебе, ненавистны.
Шумят за шлагбаумом травы метровые,
медовые травы,
ногами не тронуты.
И над землею, над травами жаркими
висят не слышавшие выстрелов жаворонки.
Запретная зона,
запретная зона,
тревогой разбужены чуткие жены.
Скупые слова на прощанье роняя,
скрипят на ходу лейтенанты ремнями.
А где-то, а где-то под старыми крышами
спят мамы, спят мамы с глазами
открытыми.
И молятся небу женщины старые,
и слушают небо площадки стартовые.
Запретная зона,
запретная зона,
опять над тобой поднимается солнце.
Послушны приказу твои установки,
готовы ракеты твои узконосые,
чтоб враг нашу землю не испоганил
своими атомными сапогами.
А все же придет это время великое —
ты станешь, запретная зона, реликвией.
Тебя поместят для почетного отдыха
за синей витриной из летнего воздуха.
И вещь, от которой ни толка, ни прока,
пойдет в переплавку колючая проволока.
А бабы, в подолы росу загребая,
в леса твои будут ходить за грибами.

«ТЕЩИН ЯЗЫК»

Я видал его каждым летом:
к основанью горы приник
поворот, как беда нелепый,
под названьем «тещин язык».
Был он острым и очень длинным,
всем шоферам вокруг знаком.
Вспоминаю я — полдолины
были заняты «языком».
И по этим простым мотивам,
от аптек городских вдалеке,
и качало иных, и мutilo
здесь, на «тещином языке».
Размышлял я, мальчишка тощий,
примостившись в машине к окну:
и какая ж она, эта теща,
в натуральную величину?
И за что, за грехи какие,
от поэзии далеки,
так ругают ее мужские
злые зятевы языки!
Но однажды
как будто стала
мучить совесть таких мужчин,
подошли сюда самосвалы —
громыхающий строй машин.
И одни, и вторые сутки
гул стоял от зари до зари.
И как будто бы предрассудки
выкорчевывал бульдозерист.
А потом, на жару промаясь,
парни веселы стали вдруг.
И рванулась дорога прямая,
словно выпрыгнула из рук.
И сверкнула асфальтом,
и гордо
через горы ушла к небесам.
Как давно я в нелегкий город
писем маме твоей не писал...